

 НФБ: МИРЫ ЕВГЕНИЯ ЩЕПЕТНОВА

Пролог

Белое солнце пустыни... оно и правда — белое. Белое и горячее. Очень горячее. И жестокое. Ему все равно, что происходит под ним. Солнце равнодушно, оно видело многое за свои пять миллиардов лет, и что для него жизнь даже не мотылька, даже не песчинки — маленькой молекулы по имени Петр Синельников, позывной — Синий. Я знаю, что мне пришел конец. Что живу я до тех пор, пока не закончатся патроны в магазинах, заткнутых в гнезда разгрузки. Меня никто не спасет, никто не выручит — это ведь не кино. И убежать я не могу — даже если бы ноги не были перебиты. Куда убежишь в пустыне, где даже пешехода видно до самого горизонта?

Мне осталось только подороже продать свою жизнь. Я хорошо стреляю, уж этому меня научили — и в учебке спецназа научили, и жизнь научила — на второй чеченской, и после, в Сирии. Нет у меня страха, нет отчаяния — только глухая, безнадежная тоска. Почему? За что? Да, грешил! Но ведь не настолько, чтобы вот так, совершенно неожиданно принять смерть в чужом краю, в окружении поганых бородатых морд! После моей

смерти они будут глумиться над моим трупом, я это знаю. Но мне уже будет все равно. Я этого точно не увижу. И они не увидят, как спецназовец сдается, подняв руки. Чтобы потом принять мучительную смерть от этих ублюдков.

Десять магазинов. Из них опустели семь. Я стреляю редко, одиночными, только иногда короткими очередями. Тяну время — сам не знаю почему. А вдруг прилетит «грач» и разгонит этих тварей? Или «вертушка»? И ведь знаю — все бесполезно. Никто не прилетит. Никаких волшебников в голубых вертолетах.

Бах! Бах!

— Алла акбар... — со стоном, значит, попал.

И тут же тупой удар в бедро. Боли не чувствую — у меня, похоже, поврежден позвоночник. Я не жилец, даже если бы сейчас меня погрузили в вертолет и вывезли. Даже если бы я выжил — какая жизнь со сломанным позвоночником? Жить в инвалидной коляске на жалкую пенсию, которой не хватит даже, чтобы платить коммунальные услуги? Ну да, у меня есть кое-какие сбережения, но надолго ли их хватит? И ЧВК выплатило бы мне за ранение, но...

Какого черта я об этом вообще думаю? Перетянуть бедро выше раны! Скорее! Истеку кровью! И так уже голова кружится, и в глазах как туман... Тут и контузия при взрыве машины, и потеря крови. Моим соратникам «повезло» больше — они сейчас горят в джипе, убитые сразу, мгновенно, меня же выбросило на обочину. В канаву. В которой я сейчас и отстреливаюсь от «бесов». Вернее — отстреливался. Похоже, что все.

Выпускаю длинную очередь в сторону перебегающих игиловцев и затихаю, откидываясь на бок и вытягивая руку с «калашом». Изображаю полную отключку. Чека гранаты уже разогнута, большим пальцем руки выдергиваю ее из отверстия. Теперь гранату от срабатывания удерживает только моя ладонь, мои пальцы. Гранаты три, они у меня на груди, на подвеске. Рука удерживает скобу, я грудью прикрываю руку, сквозь прикрытые ресницы наблюдая за тем, как поднимаются враги, гортанно переговариваясь и беспрерывно повторяя «Алла акбар!». Что бы они ни делали — постоянно говорят «Алла акбар». Меня уже тошнит от этих слов. Слишком часто я их слышал там, где с этими словами убивают людей.

Идут. Выстрел! Еще! По ногам мне бьет, как палкой! Плевать. Все равно не чувствую. Мне бы пару минут продержаться... Ближе, твари! Еще ближе! Ну?! Давайте! Еще шажок! Еще!

С трудом переворачиваюсь на спину и с облегчением отпускаю пальцы. Я устал. Я очень устал!

Господь, если ты существуешь, прими меня таким, каков я есть! Я прожил сорок бурных лет и не был таким уж плохим человеком! Как хочется жить, как хочется...

Глава 1

Первое, что чувствую — прохладу. Откуда-то тянет сквозняком, а еще — воняет. Сильно воняет! И даже не пойму — чем. Нечистотами, падалью, какой-то затхлостью, и... почему-то йодом. Морем.

Морем?! Что за чушь?! Откуда в пустыне море?! В пустыне... я — в пустыне? Меня что, захватили?! Да нет же, такого быть не может! Три гранаты, рванувшие на груди — да от меня одни ошметки остались!

Но я жив. Я чувствую. Я обоняю. А еще — у меня чешется нога. Так чешется, будто ее кто-то покусал. Комары. Или клопы. И что это значит? Я все-таки в тюрьме? В каком-нибудь зиндане игиловцев?

Сажусь, ощупывая себя руками, и только теперь замечаю, что вокруг темно. Только не так темно, когда ты лежишь с закрытыми глазами или вообще ослеп, а... просто темно. Ночь. И нахожусь я в неизвестном мне месте, скорее всего в каком-то помещении. Из отверстия надо мной просачивается слабый, похоже что лунный свет, и мои глаза, начинающие привыкать к этому свету, стали различать то, что находится вокруг меня. Едва-едва

различать, но все-таки достаточно уверенно, чтобы понять — я в каком-то полуразрушенном здании, перекосившимся, заваленным мусором, состоящим из камней, гнилых досок и костей. Подо мной подстилка из тряпья, от которого несет мочой, потом, и... непонятно чем еще. Чем-то сладковатым, отвратительным, нездоровым. Таким, от чего хочется стошнить и что следует отбросить от себя и больше никогда его не касаться.

Вскакиваю на ноги и с неудовольствием отмечаю, что двигаюсь я неуверенно, так, будто мышцы мои слабы, и вообще — я голодал месяца полтора. И тут же ругаю себя за глупые мысли — как я вообще могу двигаться с перебитыми ногами, со сломанным позвоночником? Как я могу стоять на этих самых ногах?! Но ведь стою же!

Голова совершенно не соображает. А еще эта вонь! Пахнуло падалью, да так, что меня чуть не вывернуло. Нет, надо отсюда выбираться! Осматриваюсь, вижу что-то похожее на дверной проем — перекосившийся, как и все здание, держащееся на честном слове, полузасыпанный щебенкой, но... все-таки выход. Ползу по смеси песка, обломков камней и досок, стараясь на зацепить стену ветхого здания — вдруг ему не хватает только маленького толчка, чтобы завалиться?

Вываливаюсь наружу и на четвереньках сползаю к подножию кучи щебня. Есть! Я на воле! Вдыхаю (запыхался, будто три километра спринтерским бегом пробежал!), сажусь, верчу головой, глядя по сторонам. И тут же сердце мое екает, глаза выпучиваются, и с минуту я не могу дышать, пораженный, потрясенный увиденным.

Море. Внизу, под небольшим склоном, — море. Тихо, с едва слышным шелестом накатывающееся на берег прозрачными волнами. На море — две дорожки от двух лун — одна небольшая, желтая луна, такая же по размеру, как и моя, родная. Вторая — красная, будто раскаленная дверца буржуйки. И крупная — крупнее обычной луны раза в два с половиной. Свет от лун такой, как если бы кто-то включил слабенький фонарь, освещающий окрестности зыбким, но вполне себе достаточным для нормального обозрения светом. Не сказал бы, чтобы можно было различить мелкие подробности предметов вокруг меня, но в общем и целом все мне видно, и о полной ночной тьме разговора идти не может.

Трясу головой, будто пытаюсь отделаться от зрелища перед глазами, и тут же в голове вдруг всплывает: «Желтая луна — Касана, Красная луна — Каисса». Хмыкаю и пытаюсь сообразить — откуда это все всплыло?! Что это все за чушь? Глюки?!

Надо успокоиться и попробовать размышлять логически. Итак, я только что был в бою, в котором выжить не мог. Я покончил с собой, подорвав себя гранатами. Потом вдруг очнулся в некоем мире, где имеются две луны. И скорее всего — это не глюки, потому что я чувствую! Вижу! Обоняю! В конце концов — у меня чешется тело, и...

Я с отвращением чувствую, как по шее у меня кто-то ползет. Хватаюсь пальцами за это место, ловлю какую-то мелкую тварь и, давя ее, содрогаюсь от отвращения! Вши! У меня, похоже, вши! Тьфу... твою же мать! В глюках точно вшей не бы-

вает. В глюках — человек летает или, наоборот, куда-то падает, но никак не ловит вшей!

Подхватываюсь с земли и быстрым шагом схожу, можно сказать сбегая с обрывчика прямо на песчаный пляж. Тут же срываю с себя одежонку, попутно разглядывая, что же на мне надето, а потом бросаюсь в прибрежную воду. Теплую, будто парное молоко. Свет двух лун позволяет разглядеть мои конечности и все, до чего дотягивается мой взгляд. И то, что я вижу, меня совершенно не радует. Всю свою сознательную жизнь я был подтянутым, жилистым, мускулистым, как бодибилдер, готовящийся к соревнованиям, — в юности занимался на турнике, потом в спортзале, хотя сильно не закачивался, так как излишне надутая мускулатура снижает скорость движений, а потом, в армии и в дальнейшем в ЧВК — точно не ожиреешь. Нагрузка — и спортсменам не снилось. Я же разведчик, волк, а волка, как известно, ноги кормят. Потому толстяком никогда не был. Но тут... худые, как после голодовки, ноги, худые руки, впалый живот без грамма жира. И самое главное — это НЕ МОИ ноги, это НЕ МОЙ живот! И все остальное не мое! Белая кожа, даже излишне белая — ни загара, ни смуглости, присущей большинству людей. Ощущение — это кожа какого-то альбиноса, а не обычного человека. А еще — нет следов ранений, которых на мне было как на дворовом котяре, видавшем виды и не ждущем ничего хорошего от жизни. Два пулевых, три осколочных — куда они делись? И шрам на боку от ножа — его тоже нет!

Ладно. Потом разберусь. Пока — надо отмыться, оттираться, черт подери — надо как-то из-

бавиться от вшей! Фу, мерзость какая! По-хорошему, мне бы сейчас побрить голову, сбрить все волосы с тела, а еще — намазать башку и пах керосином. Где бы только его взять, этот самый керосин...

Тру тело песком так, что оно начинает гореть. Споласкиваюсь. Волосы у меня длинные, до плеч — беда, однако! Как из таких волос вычесать насекомых? Не имея ни расчески, ни... в общем — избавляться надо от этих кудрей. Только и это я не могу — ну не драть же их с корнями?!

Сую голову в морскую воду, истово мечтая о том, чтобы проклятые твари утонули в соленой воде. И прекрасно понимаю, что прежде чем насекомые утонут — я десять раз утону в этой самой воде. Потому прекращаю дурацкую затею и стараюсь включить мозг, хотя это и непросто. Такой раздрай и бедлам в голове — ни на одной мысли сосредоточиться не могу! Сижу голый на берегу моря, смотрю на две луны и будто во сне думаю о том, как извести чертовых насекомых! Это ли не сюрреализм?!

Нет, надо взять себя в руки — разведчик я или дерьмо ослиное? Башкой-то надо подумать! Существует проблема — я каким-то образом после смерти оказался в чужом теле (бесспорно), это тело в плохом физическом состоянии, и состояние усугубляется наличием мерзких кровососов, обосновавшихся в моей пышной шевелюре. Хорошо хоть бороды еще нет...

Стоп! Да, бороды нет. А что это значит? Это значит, что я или монголоид, у которого борода не растет по генетическим причинам, либо... либо я подросток. Судя по первичным признакам — под-

росток мужского пола (что уже хорошо, не хватало еще в девку переместиться!), и возраст мой (опять же судя по этим самым признакам) примерно пятнадцать-шестнадцать лет. Это возраст, когда на лице еще ничего нет, а в паху уже все как надо.

Ладно. С этим разобрался. Теперь — что делать с моим зоопарком? Дождаться дневного света и уже тогда найти людей и попробовать что-то сделать с гадкими тварями? Хм... а если эти самые люди окажутся... не теми, кого я хотел бы видеть рядом? Ну тот же ИГИЛ — попробуй попади им в руки! Башку отрежут — и пикнуть не успеешь. Насмотрелся я на этих бесов... И кто сказал, что здешние люди лучше? Пока не знаешь обстановки, пока ничего не знаешь о мире, в который попал (а я попал!), лучше держаться настороже.

И что тогда делать? Ну, во-первых, хватаю одежду и полощу ее в воде. Одежда моя состоит из драных штанов непонятного цвета (при лунном свете точнее не рассмотришь) и такой же драной рубахи. Все из непонятного полотна и, похоже, на завязках, никакого ремня на штанах нет. Кстати — нет и никакого нижнего белья, трусов и майки. Обувь — как ни странно, она есть. Что-то вроде босоножек — толстая кожаная подошва, с петельками, к которым привязаны кожаные же ремешки. Этими ремешками подошва крепится к ступне, не очень эстетично, но зато не поранишь ногу какой-нибудь дрянью, а этой дряни тут, похоже, выше крыши.

Полощу штаны и рубаху в воде, а потом иду по берегу — увидел здоровенный валун, вот об этот валун и колочу свою одежонку со всей яростью

вояки, всеми фибрами своей души ненавидящего «окопных» тварей, бича всех войн и народов. Надеюсь, что хоть одна вша в конце концов подойдет, если не от удара о камень, так от испуга.

Устаю, кладу барахло на камень сушиться и тут обращаю внимание на здоровенную раковину по типу рапаны — только огромная, с человеческую голову величиной. Секунд десять тупо на нее пялюсь, потом хватаю ракушку и с размаху бью о глыбу. Хруст! Разлетающиеся осколки! Готово. Подбираю один из осколков, тот, что похож на лезвие ножа без рукояти, щупаю пальцем край обломка и с удовлетворением киваю — ага! Получилось! Это, конечно, не острота обсидиана, но ракушки даже в створках очень остры, а уж осколок... это просто-таки керамический нож.

Вздыхаю, готовясь к худшему, и аккуратно примерившись, начинаю срезать волосы с головы. Под корень, стараясь действовать как бритвой, ежесекундно рискуя вместе с волосами лишиться и доброго куска кожи.

Процедура заняла не менее получаса, и труднее всего пришлось с волосами над ушными раковинами. Боялся. Не хотелось остаться без ушей или самое меньшее — хорошенько истечь кровью, ведь ранение уха вызывает такое обильное кровотечение, что кажется — сейчас вся кровь вытечет через эту самую рану. Проверено, еще в юности, после одной из уличных драк, в которых я участвовал не раз и не два. Мама была в ужасе, когда я пришел домой весь в крови, с разорванным пополам ухом. Пришлось накладывать швы. Чертов придурок ударил меня кастетом, что было в на-

ших драках строго запрещено неписанным законом. Зато я отмудохал его до полусмерти Квиты.

На удивление — я даже не порезался. И вполне прилично обрил голову, — конечно же, не так, как если бы работал настоящей бритвой или отточенным до бритвенной остроты ножом, но все-таки лучше, чем если бы рассадил кожу до крови. Без этих шевелящихся от насекомых кудрей сразу стало гораздо легче. Я и вообще уже давно привык к тому, что на голове у меня совсем минимум волос — максимум небольшой ежик по типу того, какие носят в американской армии. По-моему, у нас эта прическа когда-то называлась «бокс». Во времена моего детства называлась, и раньше. А может, и позже — я как-то не слежу за названиями причесок. Мне главное — чтобы волосы на голове жить не мешали, чтобы за ними было легче ухаживать. И прическа «бокс», он же «ежик», для этого подходит лучше всего.

Ну что же... снова к воде — и давай тереть голову песком, поливать ее водой. Нет — ну все-таки какая теплая вода! Градусов тридцать, не меньше! А может, и больше! Делаю вывод — я в теплых краях, где-то на юге, где вечное лето. Капитан Очевидность, ага. Но горжусь своей догадливостью. Кстати — воздух еще горячее воды, и это ночью. А что же тогда делается днем?! На солнце?! Ой-ей... даже подумать страшно.

Честно сказать — не люблю я жаркие страны. Хотя пришлось в них немало походить и даже побегать. И в ЦАР был, обучал черных держать «калаш» правильным концом от себя, и в Сирии побегал по барханам и прериям, или как там назы-

вается эта чертова равнина. Степи? Полупустыня? Как ни назови — а это мерзкая сожженная солнцем равнина, плоская, как стол, поросшая редкими колючками. Место моего последнего упокоения...

Нет, никак не могу привыкнуть к тому, что я мертв, но... не мертв. Отгоняю от себя эти мысли, запрещаю думать на тему — иначе хочется завывать и спросить: почему я?! За что меня-то?! Значит — было за что. Значит — так нужно. Что еще тут скажешь...

И лучше не задаваться вопросом — куда подевался старый хозяин этого тела. Куда делся парнишка, чей «механизм» я занял, и чьи кудри так безжалостно искоренил. Кукушонок, да. Влез в гнездо да и выкинул его обитателя. Но я тут не виноват! Так получилось! И да — зря я не верил в переселение душ... как оказалось — не ввали эти... хм... в общем — есть оно, переселение. И я тому живой пример! По крайней мере — пока живой. И собираюсь пожить подольше!

Ну а для того, чтобы пожить, надо решить ряд вопросов. Например — что-то съесть. Живот у меня бурчит, жрать хочется — аж до колик. И насколько я понимаю, у парнишки нет ничего. Со всем ничего. Ни денег, ни имущества — нищий, как есть нищий. И значит, мне придется добывать хлеб насущный с большим, очень большим трудом. И тут есть два пути: первый путь — это попрошайничество. Ходишь и пристаешь к людям (Дай миллиончик!). Тебе или дадут денег, или дадут пендаля.

Второй путь — это путь криминала. Путь гораздо более выгодный, но при этом — гораздо более опасный. Например, в тех же Эмиратах —

за кражу просто отрубают руку. Мне очень не хочется жить одноруким! Можно было бы заняться грабежом, гоп-стопом, например, — но это если бы я был в своем, тренированном, выдавшем виды теле. Когда ты умираешь с голоду, все моральные скрепы спадают с тебя, как листья с деревьев под холодным октябрьским дождем. Люди с голодухи канибализмом занимались, чего уж там морализаторствовать насчет воровства и грабежа. Я не зверь и не собираюсь грабить бедняков, отбирая последнее. Всегда имеется достаточное количество толстых клопов-предпринимателей, таскающих в кармане приличную сумму денег. От них мне, думается, не убудет. Однако... не при моем физическом состоянии, не при моей неловкости заниматься карманными кражами, и уж тем более грабежами. Грабеж предполагает наличие оружия, которым запугиваешь «клиента», а где у меня оружие? Кусок ракушки? Бульжник? Нет, путь разбойника для меня закрыт. По крайней мере — пока. Нищенство — вот мой удел. «Же не манж па сис жур... господя! Я не ел три дня!» — примерно так.

Надеваю влажную одежду, убеждая себя, что большинство тварей, прячущихся в швах скончались от порки о камень и в водных процедурах, и бреду по пляжу туда, где на фоне сереющего неба вижу силуэты зданий. Мне сейчас нужно где-нибудь пересидеть часы до рассвета, чтобы потом отправиться в город и попробовать найти пропитание. А то, что это город, я вижу совершенно очевидно и ясно, как если бы уже вышло солнце. Город находится в чаше вокруг огромной бухты, перекрещенной лунными дорожками. Я вижу дома,

поднимающиеся в гору, вижу дымки из труб — видно, кто-то готовит еду или печет в домашних очагах. Пахнет дымом, навозом, нечистотами и морскими водорослями.

А еще — я вижу корабли, стоящие в бухте на рейде. Кораблей много, они будто с картины Айвазовского — застыли на тихой воде, подсвеченные фонарями, вывешенными на корме и носу. И этих фонариков на воде так много, что кажется — бухта покрыта яркими светлячками. Похоже, что этот город является крупным портом. Не зря же здесь столько кораблей? Вероятно, есть и те корабли, которые стоят у причалов на разгрузке — те же, на рейде, они пока что ждут своей очереди.

Кстати сказать — откуда-то из глубины мозга всплывает подтверждение моим логическим выкладкам. Я ЗНАЮ, что мои мысли верны, я ЗНАЮ, что этот город очень, очень крупный порт. А еще из памяти выскакивает: столица!

М-да... парень, парень... куда ты делся? Притаился в моей памяти? Откликнись! Появись! Давай жить дружно? Ты мне расскажешь об этом мире, а я помогу тебе в нем выживать. Тем, чем умею — помогу. Я ведь на войне уже двадцать лет, я видал столько, пережил такое, что тебе и не снилось! Неужели я не выживу здесь, в этом мире? С моими-то умениями?

Впрочем, а какие у меня умения? Драться умею — с юности в этом ловок, а потом мои умения как следует отшлифовали. Убивать умею — многими, очень многими способами. Большинство из которых, увы, скорее всего, здесь и не пригодятся. Вряд ли тут окажется «калаш» или тя-